

ДОН НИГРО

ЛЕСТРИГОНЫ

Дон Нигро
Лестригоны

«Автор»

2003

Нигро Д.

Лестригоны / Д. Нигро — «Автор», 2003

Дон Нигро «Лестригоны/Laestrygonians». 6 актеров (3 женские и 3 мужские роли). Вторая часть трилогии «Мэри-Маргарет», которая начинается пьесой «Зверь о двух спинах» и заканчивается пьесой «Весельчаки, храни вас Бог». Благодаря Джону Роузу и Джесси Армитейдж входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Удивительно трогательная и нежная история Джона Роуза и его единоутробной сестры Джесси, в шесть лет влюбившейся в своего двадцатилетнего брата и пронесшую эту любовь до конца своей короткой жизни, рассказанная в письмах и Джоном Роузом при его первой встрече с Мэри Маргарет. Встреча эта (как и пьеса) заканчивается принятым ими решением поехать в Англию и присоединиться к гастрوليрующей труппе Макдаффи, в которой ранее Джон Роуз состоялся, как актер.

© Нигро Д., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Действующие лица	5
О постановке	6
Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	8
Картина 3	13
Картина 4	16
Картина 5	19
Картина 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дон Нигро Лестригоны

Действующие лица

ДЖЕССИ АРМИТЕЙДЖ
ДЖОН РОУЗ
МЭРИ МАРГАРЕТ ДУНКАН
ЭНДРЮ МАКДАФФИ
МАРИНА МАКДАФФИ
ДЖЕЙМС МАХОНИ

О постановке

Одна простая декорация представляет собой все места, где разворачивается действие пьесы: старый дом Пендрагонов в Армитейдже, штат Огайо, в промежутке с 1908 до 1917 г.; голливудское бунгало МЭРИ МАРГАРЕТ в 1929 г.; различные гостиницы, пансионы, гримерные, в которых бывали актеры труппы МАКДАФФИ. На сцене слева деревянный стол и стулья. На сцене справа старый диван и груда одежды и одеял. По центру несколько ступеней. Железнодорожные рельсы на авансцене, воображаемые. Никакой смены декораций, картины должны плавно перетекать одна в другую без разрывов. Плавность переходов абсолютно необходима. Каждое действие должно быть непрерывным движением без единой паузы. Пьеса движется вперед и назад во времени и пространстве, охватывая период жизни ДЖОНА РОУЗА с 1908 по 1929 г. Персонажи из различных времен и мест сосуществуют на сцене одновременно, тем самым обеспечивая непрерывность действия. МЭРИ МАРГАРЕТ нет причин покидать сцену: она наблюдает за другими картинами, когда ДЖОН рассказывает ей свою историю. ДЖЕССИ, которая постоянно в голове ДЖОНА, большую часть времени тоже на сцене. МАКДАФФИ и остальные могут время от времени уходить за кулисы, но особенно важно, чтобы никто из актеров не выходил из роли, попадая в темноту между картинами, в которых они не задействованы, потому что пауз нет: действие непрерывное. ДЖЕССИ зачитывает свои письма зрителям: она не садится и не притворяется, будто пишет их, когда говорит. Хотя мы видим ее в разном возрасте, от шести до двадцати пяти лет, ее играет одна взрослая актриса. Движение пьесы всегда является ее составной частью.

«И пришли мы в лестригонов землю, и плоть человеческую пожирали они».

Дэвид Армитейдж. «Лестригоны». Из сборника «Мессия и другие стихотворения» (Лондон, «Килварок пресс», 1908 г.)

Действие первое

Картина 1

(Прожектор освещает ДЖЕССИ, ей 21 год, комната старого дома Пендрагонов в Армистеде, штат Огайо. 1923 г. Она зачитывает зрителям свое письмо, просто и естественно).

ДЖЕССИ. 30 сентября 1923 года. Армитейдж, штат Огайо. Дорогой Джонни! Я мне так нравится писать тебе, сидя за старым столом в твоей спальне. Тут пахнет твоими книгами и старой одеждой, отчего создается ощущение, что ты не так и далеко. Закрывая глаза, я даже могу убедить себя, что ты рядом со мной. Без тебя очень одиноко. Мама все еще скорбит о папе. Сара злобная и безумно гремит на кухне кастрюлями и сковородами. Лиззи и Молли уехали с мужьями в свои дома, Дороти большую часть времени проводит с кошкой, поэтому я предоставлена сама себе, ношусь без руля и ветрил, как говорит мама. Листья на большом старом дереве во дворе начали алеть. Сегодня холодно и мокро, и два бурундука смотрели друг на друга через тропинку, по которой я шла. Большая старая белка с пушистым хвостом все чаще навевается из леса к нашему каштану. Мне отчаянно не хватает тебя. Я хочу, чтобы ты писал мне чаще. Почему ты не пишешь мне чаще? Я тревожусь о тебе, Джонни. Вечерами филин садится на большое дерево у твоего окна и ухает. Я слушаю его и думаю о тебе, и пытаюсь представить себе, что ты сейчас делаешь. Я смотрю на луну, как пеликаны в том стихотворении, и хочу, чтобы ты был здесь и со мной. Пожалуйста, напиши поскорее. С любовью, Джесси.

Картина 2

(Бунгало МЭРИ МАРГАРЕТ в Голливуде, штат Калифорния, осень 1929 г. ДЖОН РОУЗ входит, симпатичный, но потрепанный жизнью – ему 41 год – мужчина, оглядывается).

ДЖОН. Эй! Есть тут кто-нибудь? Ну и бардак. Мисс Дункан? Мэри Маргарет? *(Спотыкается о большую кучу грязных простыней, одеял, старой одежды)*

МЭРИ МАРГАРЕТ *(негодующий голос из-под кучи. Она садится, голова все еще накрыта простыней)*. О-О-О-Х! Эй! Осторожнее!

ДЖОН *(отпрыгивает от неожиданности)*. Господи Иисусе! Мисс Дункан?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Что?

ДЖОН. Вы – Мэри Маргарет Дункан?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет. Она умерла. Уходите. У меня есть пистолет.

ДЖОН. Не вижу я никакого пистолета. Я даже лица не вижу.

МЭРИ МАРГАРЕТ *(не без труда стаскивает простыню с головы, и мы видим красивую, миниатюрную женщину 27 лет, в одной комбинации. Волосы растрепаны)*. Я считаю до трех, а потом отстрелю тебе яйца. Готов? Два, четыре, семь, шестьдесят девять...

ДЖОН. Так где пистолет?

МЭРИ МАРГАРЕТ. В Восточном Ливерпуле, штат Огайо.

ДЖОН. Вы угрожаете мне пистолетом, который в Огайо?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Можешь не сомневаться.

ДЖОН. Но мы в Голливуде, штат Калифорния.

МЭРИ МАРГАРЕТ. И что ты хочешь этим сказать? Держи руки на виду и отвечай ясно и просто. Меня может вырвать в любой момент. Минуточку. Я тебя знаю. Ты – актер.

ДЖОН. Я был актером. Теперь снимаюсь в кино.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Какое совпадение. Я тоже была. А теперь я нацелилась на самоубийство, но получается не очень. Как там тебя зовут?

ДЖОН. Джон Роуз.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Кто бы мог подумать?

ДЖОН. Твой сводный брат попросил прийти и провести тебя.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет у меня сводных братьев. Когда-то был брат.

ДЖОН. Дэвид Армитейдж. Он служил в армии с твоим братом Эвереттом.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Дейви Армитейдж – твой сводный брат? Как такое может быть?

ДЖОН. Его отец женился на моей матери.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Почему?

ДЖОН. Я и сам частенько задавал себе этот вопрос.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет, я спрашиваю, почему Дейви Армитейдж попросил своего сводного брата прийти и провести меня?

ДЖОН. Он сказал, что пытался вам дозвониться.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Это глупо. Не мог он мне дозвониться. Соседские дети съели мой телефон. Это было ужасно. Эти дети – нелюди. Они съедают любой неодушевленный предмет, который ты оставляешь на лужайке. Слава Богу, у меня нет кота.

ДЖОН. Вы оставили телефонный аппарат на лужайке?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Вообще-то я выдернула провод из стены, но в аквариуме телефон как-то не смотрелся, поэтому я выбросила его на лужайку. Я пытаюсь сложить компостную кучу, но эти дети съедают все. Я думаю, детям надо запретить жить в Голливуде до совершеннолетия. Выглядишь ты дерьмово.

ДЖОН. Знаешь, ты сейчас тоже не принцесса из сказки.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Но я она самая. Принцесса из сказки. Просто меня сожрал серый волк, а потом выблевал. И какого черта Дейви Армитейдж хотел мне позвонить? Он ведь безнадёжно влюблен в какую-то поклоняющуюся дьяволу балерину или что-то такое. Я не видела его неведомо сколько лет.

ДЖОН. Он тревожится о тебе.

МЭРИ МАРГАРЕТ. А-а-а-а! Это мило. Дейви такой милый. Раньше он ездил со мной в Нью-Джерси, навестить моего брата Эверетта в тамошней психушке. Готова спорить, Дейви прочитал о случившемся в газете. Известность – великая вещь. Очень поспособствовала моей карьере. Мне надо выпить.

ДЖОН. Совсем не надо.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да что ты об этом знаешь?

ДЖОН. Много чего.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Куда ты спрятал мою водку?

ДЖОН. Ничего я не прятал.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не вешай мне лапшу на уши. Судя по твоему виду, ты из тех парней, у кого даже в хлебнице спрятан труп. Где же ты, водка? Где ты, Борис? Где ты, Иван?

ДЖОН (*наблюдая, как она подползает к дивану, чтобы заглянуть под него*). Поверь мне, сейчас не нужна тебе никакая водка.

МЭРИ МАРГАРЕТ. В моей жизни появляется еще один мужчина, указывающий, что мне нужно. Спасибо Тебе, Господи.

ДЖОН. Почему бы тебе не сесть на диван?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не хочу я сидеть на диване. Я хочу найти моего доброго друга Бориса – бутылку водки. Ага! (*Достает из-под дивана наполовину пустую бутылку*). Эврика! Счастливые денечки! За твою сводную сестру, Дейви!

ДЖОН. (*Отнимает бутылку, едва МЭРИ МАРГАРЕТ подносит ее ко рту*). Обойдешься.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Эй! Отдай бутылку! Вор! Нарушитель неприкосновенности жилища! Я не шучу. И ударю, если придется. ПОМОГИТЕ! ГРАЖДАНСКИЙ АРЕСТ! (*Они борются из-за бутылки. МЭРИ МАРГАРЕТ бросается на ДЖОНА РОУЗА, и они плюхаются на диван. МЭРИ МАРГАРЕТ не оставляет попыток добраться до бутылки*). Отдай мне эту чертову бутылку! Да что с тобой такое? Почему ты не позволяешь девушке спокойно упиться до смерти?

ДЖОН. Ты слишком молода, чтобы умереть.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не слышала об ограничении по возрасту.

ДЖОН. Почему ты хочешь свести счеты с жизнью?

МЭРИ МАРГАРЕТ (*обессилев и понимая, что до бутылки не добраться, падает на него*). Уходи. Почему ты не можешь просто уйти? (*Плачет, уткнувшись лицом ему в грудь*).

ДЖОН (*неуклюже обнимая ее одной рукой и пытаясь успокоить*). Все будет хорошо.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Черта с два. Ты меня лапаешь?

ДЖОН. Нет. Пытаюсь, но, похоже, безуспешно, успокоить объятую печалью деву. (*Пьет из бутылки*).

МЭРИ МАРГАРЕТ. Можешь прекратить. И не смей пить мою водку! (*Тянется к бутылке, но он убирает ее. МЭРИ МАРГАРЕТ садится на диван и чуть отодвигается. Вытирает глаза руками*). Говнюк.

ДЖОН. Полегчало?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Никому и никогда легче не бывает.

ДЖОН. Бывает.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Тебе легче?

ДЖОН. Нет. Мне еще хуже.

МЭРИ МАРГАРЕТ. И поделом. Дай мне водку.

ДЖОН. Нет. Извини.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я позвоню в полицию.

ДЖОН. Дети твоих соседей съели телефон.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Так я громко закричу.

ДЖОН. Хорошо, бери. (*Протягивает ей бутылку*). В конце концов, не мое это дело.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Премного благодарна. Ты выпил больше половины.

ДЖОН. Подай на меня в суд.

МЭРИ МАРГАРЕТ. И что ты здесь делаешь?

ДЖОН. Я только что тебе сказал.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет, что ты делаешь в Голливуде? Разве ты не привык играть Шекспира и все такое?

ДЖОН. Да, когда-то я был настоящим актером. До войны. И сразу после. В гастролирующей шекспировском труппе Макдаффи. Путешествовал с Бардом по кельтскому захолустью.

МЭРИ МАРГАРЕТ. И что случилось? Тебе выперли?

ДЖОН. Нет.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ты решил, что перерос их и приехал в Голливуд, чтобы стать богатым и знаменитым и знакомится с такими роскошными женщинами, как я?

ДЖОН. У тебе течет из носа.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Спасибо. (*Вытирает нос рукавом*). А теперь отвечай на мой вопрос.

ДЖОН. Давай поговорим о тебе.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Не хочу я говорить о себе. Я уже сотни лет говорю сама с собой о себе и, если честно, меня уже тошнит от этих разговоров. (*Она вытягивает ноги и любит себя ступнями*). Хотя, должна признаться, у меня изящное, миниатюрное тело, так?

ДЖОН. Да. Это точно.

МЭРИ МАРГАРЕТ (*кладет ноги ему на колени и пьет из бутылки*). Так скажи мне, почему ты ушел из театра и вляпался в это мерзкое, вонючее, склизкое голливудское говно?

ДЖОН. Извини, но мой принцип – обсуждать только то, что не имеет для меня ровно никакого значения. И это хороший совет, как для жизни, так и для актерской игры: всегда оставлять за кадром все, что тебе действительно дорого.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да какая это тогда будет игра?

ДЖОН. Игра выживания.

МЭРИ МАРГАРЕТ. По мне, это лживая игра.

ДЖОН. Я предпочитаю называть ее защитной игрой. Ложь безопасна. Убивает правда.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет. Я так не могу. Не то, чтобы я не пыталась. Я просто должна играть честно. Это как болезнь. Я не умею говорить, но без честности – не могу. Ты счастливчик. Умеешь говорить, пусть и говоришь ерунду.

ДЖОН. Ты умеешь говорить. Только что говорила. Я думаю, это была ты, если только твоя герань – не чревовещатель.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я про то, что ты можешь говорить, когда играешь. А у меня язык как связанный. Когда звуковое кино возьмет верх, никто не захочет иметь со мной дело. Впрочем, и сейчас не хотят, так что какая разница?

ДЖОН. Моя сестра не может говорить.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ты про сводную сестру?

ДЖОН. Нет, у меня нет сводных сестер. Это моя единоутробная сестра.

МЭРИ МАРГАРЕТ. У тебя сводный брат и единоутробная сестра?

ДЖОН. У меня четыре единоутробные сестры.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Четыре?

ДЖОН. Если точнее, то три, потому что одна умерла.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Тогда понятно, почему она не может говорить.

ДЖОН. Нет, я не про нее. Говорить не может Дороти.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Она родилась без рта?

ДЖОН. Рот у нее есть. И в четыре года он у нее не закрывался, но потом она тяжело заболела, а когда температура наконец-то спала, у нее пропал слух. И со временем она забыла, как произносить правильные звуки, так что теперь не может говорить. Она – самая здравомыслящая в нашей семье, но, к сожалению, бессловесная. А ты можешь говорить.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Нет, все, что я могу – так это чувствовать. Мы с тобой составили бы отличную команду. Мне не все равно, но я не могу говорить. Ты говоришь, но тебе все до лампочки.

ДЖОН. Да. Теперь я вижу, что мы созданы друг для друга.

МЭРИ МАРГАРЕТ (*смотрит на него, потом резко убирает ноги с его колен*). Послушай, приятель, если ты здесь для того, чтобы попользоваться мною, забудь. Я слышала о тебе немало историй. Теперь вспоминаю. Мой бойфренд говорил, что на студии ты пропустил ни одной юбки. Твоя репутация бежит впереди тебя.

ДЖОН. Моя репутация, как и в большинстве случаев, далеко отстает от реальности.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Это ты про что? Твоя штучка отвалилась?

ДЖОН. Я так не думаю, но могу проверить и доложить тебе о своих находках.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Тогда в чем причина? Решил податься в священники? Меняешь женщин на коз?

ДЖОН. Это не имеет значения. Забудь.

МЭРИ МАРГАРЕТ. С удовольствием, но не могу. Ничего не забываю. Это проклятье. Ты здесь не потому, что Дейви попросил провести меня. Ты здесь, потому что тебе что-то нужно. Не надо притворяться, об актерах я знаю все.

ДЖОН. Актерство – это не притворство.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Что?

ДЖОН. У меня возникла глупая идея, что я, возможно, сумею помочь.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Да, ты подумал, что заглянешь и сразу поможешь. С чего у тебя вдруг возникло желание помочь мне? Ты ничего обо мне не знаешь.

ДЖОН. Я знаю, что самоубийственное поведение. И твой брат мертв.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ты ничего не знаешь.

ДЖОН. Это правда. (*Пауза*). Я, пожалуй, пойду. Извини, что побеспокоил. (*Встает и собирается уйти*).

МЭРИ МАРГАРЕТ (*смотрит на него*). Когда умерла твоя сестра?

ДЖОН. Какая сестра?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Та, что мертва, глупец. Ты сказал, что у тебя было четыре единокровных сестры, и одна умерла. Когда?

ДЖОН. Два года тому назад. А что?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Вы были близки?

ДЖОН. Я не хочу об этом говорить.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Как тебе будет угодно.

(*Она пьет, он смотрит на нее*).

ДЖОН. Да, мы были близки. Она всегда была такая жизнерадостная, так любила жизнь... это трудно объяснить. Она была гораздо моложе меня. Я покинул дом в двадцать лет, а ей было только шесть, но даже тогда... Я пытался уйти незаметно, поздним вечером, но она услышала скрип половицы и перехватила меня на лестнице. Она была очень умная, хотела все знать, ничего не боялась, влюблялась без памяти, и так вышло, что мужчиной, которого она любила больше всех, стал я. Не знаю, почему. Я ничего не сделал для того, чтобы удостоиться такой чести. Но даже в столь юном возрасте она ничего не упускала. Вот и я не сумел ускользнуть.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Как ее звали?

ДЖОН. Джесси. Ее звали Джесси.

Картина 3

(Глубокая ночь, 1908 г. ДЖОНУ двадцать, он пытается спуститься по лестнице старого дома Пендрагонов в Армитейджэ, штат Огайо. Он фактически готов к этому в конце предыдущей картины, ему нужно только взять дорожную сумку, которая заранее поставлена за диван. Но ДЖЕССИ уже сидит на верхней ступеньке, так что незаметно уйти никакой возможности нет. Конечно, мы видим взрослую актрису – ни при каких обстоятельствах в этой сцене или в других не должна появляться девочка, – но она играет шестилетнюю девочку голосом и манерой поведения, не гротескно, но просто и с достоинством, очень уверенную в себе и трезво мыслящую маленькую девочку).

ДЖЕССИ. Привет, Джонни.

ДЖОН *(подпрыгивает от неожиданности)*. Господи, как ты меня напугала.

ДЖЕССИ. Извини. Куда собрался?

ДЖОН. Ш-ш-ш. Ты перебудишь весь дом. Хочу пройтись. Иди спать.

ДЖЕССИ. А зачем для прогулки тебе понадобилась сумка?

ДЖОН. Неважно, Джесси. Иди спать.

ДЖЕССИ. Ты уходишь.

ДЖОН. Не говори глупостей.

ДЖЕССИ. Уходишь. Убегаешь из дома. *(Начинает плакать)*.

ДЖОН. Нет. Не плачь. Ты всех перебудишь.

ДЖЕССИ *(плачет громче)*. Мне без разницы.

ДЖОН. Нет, нет, нет. Все хорошо. *(Садится рядом, обнимает. Она кладет голову ему на плечо)*. Послушай, малышка. Я уйду, чтобы повидать мир. Это не навсегда. Вернусь очень скоро и привезу тебе подарок. Идет?

ДЖЕССИ. Но я не хочу, чтобы ты уходил. *(Рыдает)*. Какой подарок?

ДЖОН. Все, что ты захочешь.

ДЖЕССИ. Я хочу, чтобы ты остался здесь.

ДЖОН. Я не могу оставаться здесь.

ДЖЕССИ. Почему?

ДЖОН. Потому что хочу увидеть мир, пока еще молодой. Я сойду с ума, если придется остаться здесь. Мне надо уйти.

ДЖЕССИ. Тогда я хочу слона.

ДЖОН. Не думаю, что я смогу привезти тебе слона.

ДЖЕССИ. Тогда ты должен остаться.

ДЖОН. Я привезу тебе игрушечного слона.

ДЖЕССИ. Нет. Я хочу такого, на котором я смогла бы доехать до почты.

ДЖОН. Посмотрим, что можно сделать.

ДЖЕССИ. Ты это просто говоришь. Ты уходишь, потому что я тебе не нравлюсь.

ДЖОН. Разумеется, ты мне нравишься. Ты – моя подружка, и это знаешь.

ДЖЕССИ. Ты меня любишь?

ДЖОН. Конечно.

ДЖЕССИ. Зуб даешь?

ДЖОН. Зуб даю.

ДЖЕССИ. Вернувшись, ты женишься на мне?

ДЖОН. Я не могу жениться на тебе, Джесси.

ДЖЕССИ. Почему?

ДЖОН. Во-первых, ты – маленькая девочка.

ДЖЕССИ. Я быстро вырасту.

ДЖОН. Я уверен, что вырастешь, но дело не в этом. Родственникам не разрешают жениться.

ДЖЕССИ. Саманта Кейси вышла за своего кузена Абнера. Сара рассказывала об этом маме на кухне, когда мыла пол там, где нассал кот.

ДЖОН. Что ж, иногда люди женятся на своих кузинах, но ты моя единоутробная сестра.

ДЖЕССИ. Нет, я твоя родная сестра.

ДЖОН. Если формально, то всего лишь единоутробная.

ДЖЕССИ. В каком смысле?

ДЖОН. У нас с тобой одна мать, но у мамы был другой муж до того, как она вышла за твоего отца. Это означает, что мы с тобой пожениться не можем. Таково правило.

ДЖЕССИ. И кто придумал такое глупое правило?

ДЖОН. Не знаю. Наверное, Бог.

ДЖЕССИ. Что ж, Бог допустил ошибку.

ДЖОН. Бог не допускает ошибок.

ДЖЕССИ. Он создал Элмера-Циркача.

ДЖОН. Кого?

ДЖЕССИ. Ты не помнишь? Мы видели его, когда приезжал «Цыганский карнавал». Мама сказала, что Бог, когда создавал этого человека, думал о чем-то своем.

ДЖОН. Не могу я сейчас говорить об Элмере-Циркаче. Я должен идти.

ДЖЕССИ *(вновь начинает плакать)*. Ты не хочешь жениться на мне, потому что меня не любишь.

ДЖОН. Джесси, если брат и сестра женятся, и у них появляются детки, то у этих деток может быть по шесть пальцев на руке, или хвост, или что-то еще.

ДЖЕССИ. Только не у моих. У меня будут идеальные детки, а если мой ребенок родится с шестью пальцами или хвостом, оно и к лучшему. Ему будет проще лазать по деревьям. Он сможет попадать в дом через окна и не упадет с лестницы.

ДЖОН. Не могу поверить, что в четыре часа ночи я сижу на лестнице и веду философскую дискуссию с шестилеткой.

ДЖЕССИ. Возможно, тебе это снится.

ДЖОН. Я так не думаю. Джесси, ты очень умная маленькая девочка, такая умная, что меня иной раз это пугает, но ты должна понять, когда я говорю тебе, что я просто взорвусь, если не уеду.

ДЖЕССИ. Совсем как упавший на землю арбуз?

ДЖОН. Очень даже похоже.

ДЖЕССИ. Будет жуткий срач, и Сара начнет орать диким голосом, если ей придется все убирать. Не взрываись.

ДЖОН. Клянусь, я вернусь и мы увидимся. Просто будь хорошей девочкой, слушайся маму, и Сару, и всех. Жди меня, и я вернусь как можно скорее. Договорились?

ДЖЕССИ. Ты обещаешь?

ДЖОН. Обещаю.

ДЖЕССИ. И ты женишься на мне? Если ты не пообещаешь жениться на мне, я прямо сейчас закричу так громко, что все проснутся, сбегутся сюда, тоже начнут кричать, а Сара ударит тебя по голове большой сковородой.

ДЖОН. Ладно, твоя взяла. Деваться мне некуда. Вернувшись, я женюсь на тебе.

ДЖЕССИ. Клянешься?

ДЖОН. Клянусь.

ДЖЕССИ. Тогда ладно.

ДЖОН. Чего ты улыбаешься?

ДЖЕССИ. Просто подумала о нашей свадьбе. Мы пригласим Молли? Она на днях дала мне пинка.

ДЖОН. Решать тебе.

ДЖЕССИ. Хорошо.

ДЖОН. Да свидания, Джесси. (*Целует ее в лоб*). Береги себя.

ДЖЕССИ. Не забудь.

ДЖОН. Не забуду.

ДЖЕССИ. И остерегайся пантер.

ДЖОН. Обязательно.

ДЖЕССИ. Я буду ждать.

Картина 4

(Старый пансион в Челси, Лондон. МАКДАФФИ, старый актер впечатляющей внешности, с гривой седых волос, репетирует «ОТЕЛЛО», одетый в мешковатые штаны и старый свитер. ДЖОН, незамеченный им, наблюдает из глубины сцены).

МАКДАФФИ: Причина есть, причина есть, душа! Вам, звезды чистые, не назову, Но есть причина. Кровь я не пролью, Не раню кожу, что белее снега И глаже алебастровых надгробий, Но умереть должна – других обманет. Задуть свечу... Потом – задуть свечу... Я погашу ль тебя, слуга горящий... *(Поднимает голову и видит ДЖОНА)*. А тебе чего надо? Кто тебя пустил? Кто ты?

ДЖОН. Я – Джон Роуз.

МАКДАФФИ. Эти имя с фамилией должны меня потрясти?

ДЖОН. Едва ли.

МАКДАФФИ. Если ты насчет аренды, так я уже заплатил какой-то омерзительной женщине с огромным задом.

ДЖОН. Я – сводный брат Дэвида Армитейджа.

МАКДАФФИ. К сожалению, вынужден признаться, что эта, несомненно, интересная информация все равно оставляет меня в полнейшем неведении.

ДЖОН. Дейви сказал, что вы его знаете, и...

МАКДАФФИ. Да, да, я его знаю, я его знаю, но какого черта он присылает своего сводного брата в тот самый момент, когда я пытаюсь вытащить из памяти эти паршивые строки, знакомые мне с двенадцати лет, но теперь необъяснимым образом убегающие от меня, словно проститутки – от бедняка?

ДЖОН. Как я понимаю, вам кто-то нужен.

МАКДАФФИ. Нужен? Мне кто-то нужен? Для чего? Дейви Армитейдж сказал тебе, что мне кто-то нужен?

ДЖОН. Вы сказали мистеру Йетсу. Он сказал Элизабет, балерине, подруге Дейви, а Дейви сказал мне. Что вам кто-то нужен. И дал адрес.

МАКДАФФИ. Ага. Да, понимаю. Мой последний работяга бросил меня ради грудастой официантки в Сохо. Его задача – загружать и выгружать ящики, монтировать и разбирать декорации, приносить мне ланч, короче, делать всю грязную работу, которые не желают выполнять мои актеры, не знаю почему вбившие себе в голову, что они выше этого. Оплата жалкая, еда отвратительная, жилищные условия ужасные – бесконечная череда ночлежек. И почему кому-то охота соглашаться на такое?

ДЖОН. Понятия не имею.

МАКДАФФИ. Тогда чего ты отнимаешь у меня время? Ты думаешь, нет у меня дел, кроме как болтать с чьим-то сводным братом? Или ты не видишь, как я занят? Пью эти кофейные помои, силой воли пытаюсь избавиться от похмелья, вгрызаюсь в зачерствевший бисквит древними пожелтевшими зубами и отчаянно пытаюсь вспомнить, что там говорил Отелло перед тем, как отправить в мир иной свою ненаглядную? А еще мне приходится прилагать титанические усилия, чтобы не блевануть. Так почему ты хочешь взяться за эту работу.

ДЖОН. Кто-то должен ее делать.

МАКДАФФИ. На призвание она не тянет?

ДЖОН. Но при этом не требует и особых навыков.

МАКДАФФИ. Это как посмотреть.

МАРИНА *(входит)*. Папа, нам пора.

МАКДАФФИ. Минуточку.

МАРИНА. Нет у нас этой минуточки. К половине одиннадцатого мы должны быть в Гластобери.

МАКДАФФИ. Не учи меня, где я должен быть. Это обреченная на неудачу экспедиция начнется только когда я, главный баран, скажу, что пора выступать. Или ты не видишь, что я обсуждаю философию с этим ученым мужем?

ДЖОН. Хорошо. Если мы потеряем этот контраст, не вини меня.

МАКДАФФИ. Я никогда тебя не виню. Это ты винишь меня. Детям такое свойственно. И ты, Роуз. Я вижу, как ты палишься на мою дочь. Прекрасная молодая женщина, правда? Жаль только, что она научилась говорить. Можешь восхищаться ею, сколько хочешь, тысячи восхищались, но если ты прикоснешься к ней, я лично кастрирую тебя моим верным скаутским ножом.

ДЖОН. Может, я пришел не в то место.

МАКДАФФИ. Не волнуйся, ты сможешь сдернуть трусики с большинства других женщин этой труппы, не прилагая усилий. По большей части, они весьма доступны. Но не моя дочь, это ясно?

ДЖОН. Это ясно.

МАКДАФФИ. Он говорит одно и думает другое. Ты с американского Среднего Запада, вероятно, из Огайо. Жил в маленьком городке, не очень-то отличающемся от деревни, но в доме, где было много книг, правильно? Я знаю, что ты думаешь: кто этот на удивление проникательный человек? Шерлок Холмс? Увы, нет. Раньше мог за него сойти, но теперь, скорее, Ватсон. Располнел в моем преклонном возрасте. Место твоего рождения я определил по твоему варварскому выговору. Опять же, я знаком с Дейви. А он как раз оттуда. Ты должен научиться обращать внимание не только на красивые мордашки, парень, если хочешь чего-то добиться в театре. А теперь говори, что привело тебя сюда. И, пожалуйста, не пори чушь, мне в самом скором времени надо куда-то ехать и выходить на сцену. Я забыл только, какая у нас пьеса.

МАРИНА. «Буря».

МАКДАФФИ. «Буря»? Мы даем эту чертову «Бурю»? Тогда зачем я насилую себя, пытаюсь вспомнить, что бормочет Отелло перед тем, как удавить Дездемону? Ты уверена?

МАРИНА. Загляни в репертуарный план.

МАКДАФФИ. Слишком я стар, чтобы заглядывать куда-либо, разве что под юбку Джоселин Койн. Давай, Солнечный Джим. Доказывай право на свое существование здесь. У тебя две минуты.

ДЖОН. На прошлой неделе Дейви и Элизабет вытащили меня на «Перикла», который показывали в жутком, старом, грязном театре, расположенном в ужасном районе, и к моему полному удивлению, я забыл обо всем. Забыл абсолютно. Впервые в жизни я не хотел оказаться где-то еще и делать что-то другое. Дейви понял. Он хорошо меня знает. И дал мне ваш адрес.

МАКДАФФИ (*изучает его*). Г-м-м-м. У тебя вид человека, который отчаянно хочет стать кем-то еще. Не писателем – слишком велика неуправляемая физическая энергия, которую я в тебе чувствую. Нет, есть у меня ощущение, что ты до конца жизни обречен жить страстями. Вот и Дейви, который мудр не по годам во всем, что не касается женщин, увидел это в тебе и направил к старому театральному пердуну, так? И ты какое-то время протестовал, разумеется, потому что предложение выглядело совершенно идиотским.

ДЖОН. Да.

МАКДАФФИ. Но, тем не менее, пришел.

ДЖОН. Да.

МАКДАФФИ. Так что ты думаешь, Марина, моя сладкая, самая проникательная и справедливая из нас всех? Стоит ли он того горя и раздражения, которые он нам принесет?

МАРИНА (*глядя на ДЖОНА*). Я сомневаюсь. Но все возможно.

МАКДАФФИ. Ты слышал? Неподдельный энтузиазм от справедливейшей. Эта – экстрасенс и невероятно опасна. Запомни это. Хорошо. Выходи во двор и помоги загрузить фургон. И держи пальцы подальше от моей дочери, а не то до конца театральной карьеры ты будешь играть только одноруких евнухов.

Картина 5

(ДЖЕССИ, ей 10 лет, зачитывает письмо. 1912 г.)

ДЖЕССИ. 13 февраля 1912 г. Мокрый, ужасный Армитейдж. Дорогой Джонни! Ты очень, очень плохой и пишешь мне только одно письмо на каждые мои пять или шесть. Как тебе не стыдно. Мне уже десять лет и я требую писем. Твои я держу в выдвижном ящике прикроватной тумбочки и прячу от Молли, которая очень глупая и завистливая, поскольку ей ты не пишешь. Это глупо, ждать от тебя писем, раз она тебе никогда не пишет, но Молли совсем глупая и хочет все получать за так. Еще она обидчивая и с вздорным характером. Кошка принесла пятерых котят, и одного, с черным глазом, я назвала Джон. Л. Салливан, хотя это, по моему, девочка. Где ты в Ирландии? Напиши мне, чтобы я сделала пометку на карте. Папа сердится, когда я что-то пишу в его книгах, но я говорю ему, что должна отслеживать маршрут Джонни и Макдаффи, а не то они заблудятся. Папа ворчит, как и всегда, но потом сажает меня на колени, и мы вместе следуем за вами по карте. Сейчас котенок сидит на моей голове, но не Джон Л. Салливан, и мне очень хочется отправить его тебе почтой, но я тревожусь, потому что он не знает ирландского языка, а ирландские коты могут его побить. Этого я назвала Теодор Рузвельт. Джонни, мне ужасно тебя недостает, и я люблю тебя так сильно, и извини меня за пятно на бумаге: Теодора Рузвельта вырвало. Всегда, всегда твоя, любящая сестра Джесси. PS. Это моя валентинка.

Картина 6

(Бунгало МЭРИ МАРГАРЕТ, Голливуд, 1929 г. Она просыпается, обнаружив, что лежит на диване, укрытая одеялом. ДЖОН прибирается).

МЭРИ МАРГАРЕТ. Эй, что здесь происходит?

ДЖОН. Ура! Кто-то ожил!

МЭРИ МАРГАРЕТ. Что ты делаешь?

ДЖОН. По глупости борюсь с беспорядком. Извини, детка, но ты живешь, как свинья.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Мне нравилось думать, что это принципиально новое концептуальное дизайнерское решение. Некая имитация хлеба. Что случилось? Который час?

ДЖОН. Я обладаю даром убалтывать слушателей, вот и довел тебя до сна. То же самое я проделывал с многочисленными зрителями и некоторыми домашними животными в моем славном театральном прошлом. Я понятия не имею, который теперь час.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Ты воспользовался моей беспомощностью, пока я спала.

ДЖОН. Нет, я пользуюсь беспомощностью только тех женщин, которые притворяются спящими.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Где моя водка?

ДЖОН. Я вылил ее в раковину.

МЭРИ МАРГАРЕТ. В раковину? Вылил в раковину? Ты вылил мою водку в раковину, пока я спала?

ДЖОН. Отдает безумием, я понимаю, но это правда.

МЭРИ МАРГАРЕТ. И что ты пытался сделать? Прожечь канализационные трубы? Ты знаешь, сколько берут сантехники в Голливуде?

ДЖОН. То есть, ты предпочла бы вылить ее в горло?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Что льется в мое горло, тебя совершенно не касается. Ты выпил мою водку. Ты самый отъявленный пьяница Голливуда.

ДЖОН. Как я понимаю, ты никогда не встречалась с Толстяком Арбаклом.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Плевать я хотела на Толстяка Арбакла. Убейся из моего дома.

ДЖОН. Ты убиваешь себя.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Если хочешь знать, получается у меня плохо. Бог свидетель, я старалась. Каждый день работала над этим. Упражнялась, упражнялась, упражнялась. Но, судя по всему, это не мое. Нет у меня таланта к самоубийству. Да и к чему бы то ни было, если на то пошло.

ДЖОН. Поэтому ты так стараешься добить себя?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Со старанием у меня всегда плохо.

ДЖОН. Почему бы тебе не рассказать мне об этом? Тот факт, что это совершенно не мое дело, и есть прекрасный повод рассказать именно мне, а не тому, кого-то это как-то волнует. Я хочу сказать, кому-то с корыстной целью.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Поверь мне, все приходят сюда с какой-то корыстной целью.

ДЖОН. Дело в твоих брате и бойфренде, так?

МЭРИ МАРГАРЕТ. Я не собираюсь открывать тебе душу. Ты же не открываешь мне свою.

ДЖОН. Да, но у меня нет души.

МЭРИ МАРГАРЕТ. Тогда тебе нечего предложить.

ДЖОН. Значит, мы обсуждаем бартерную сделку? Я пытался говорить с тобой, но ты заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.